

Глава 2. Саратов

В жизни немецких колонистов Саратов играл огромную роль. Здесь находилась господствовавшая над ними государственная власть. Сюда они ездили для разрешения своих имущественных споров, здесь же находился и основной рынок сбыта их товаров. Наконец, Саратов был не только административным центром наместничества, а с 1897 года - центром Саратовской губернии, но и культурным центром обширного края, куда более или менее зажиточная часть колонистов стремилась отправить на учёбу своих детей.

Расположенный на отлого-возвышенном правом берегу Волги и окружённый с трех сторон горами, Саратов выглядел очень живописно, особенно с вершины Соколовой горы - самой высокой точки в окрестностях города. Широкие улицы, здания, сады - их чёткое линейное расположение подчеркивало значительность города. Почти напротив него, на левом берегу Волги, можно было видеть Покровскую слободу и необозримую степь, расстилавшуюся по луговой стороне и заканчивавшую собою черту горизонта. Вдали, на правом берегу, к югу, возвышалась гора Увек, когда-то царство знаменитой Золотой Орды. Волга, величественно раскинувшаяся со своими островами, песчаными отмелями и косами, дополняла красоту этой превосходной панорамы. Весь правый берег к югу от Саратова пестрел множеством дач, хуторов, деревень; все это утопало в зелени садов, всё это оживляло местность. Далее же, за 20 верст ниже Саратова, берег резко изменял свой характер, представляя ряд голых утесов, носящих общее название Столбичей.

Но Саратов тех лет не только красивый город и административный центр Поволжья. В нем во второй половине 19 века стала быстро развиваться промышленность и торговля. Строились паровые мельницы и маслобойные заводы. Город становился центром мукомолья и хлебной торговли. В начале 20 века здесь производилось свыше 3 миллионов пудов муки. Быстро росло население. Если в 1838 г. в Саратове проживало 45 тысяч человек, то по переписи 1897 года – уже 137 тыс. человек.

Основной торговой артерией края в те годы была Волга. Торговый оборот саратовских пристаней был так велик, что городской берег Волги, растянувшийся на 6 верст, часто оказывался не в состоянии вместить в себя всего количества собирающихся у Саратова судов. У пристани в навигационное время скапливался целый лес мачт, между которыми мелькали пароходные трубы, а на бе-

регу суетился и шумел народ, занятый погрузкой и выгрузкой судов. Оживлению этой местности, имеющей чисто фабричный характер, много способствовала и проходящая здесь товарная ветвь железной дороги. Грохот железнодорожных поездов, дым из многочисленных фабричных труб, обозы с мукой, зерновым хлебом и всяким товаром придавали этому уголку Саратова вид кипучей деятельности и оживления.

Заметную роль в жизни и развитии Саратова играли немецкие колонисты. Богатейшим из них, таким, как промышленники и купцы Рейнике, Шмидт, Зейферт и другие, в конце 19 и начале 20 веков принадлежали самые крупные в Саратове паровые мельницы, мучные пристани и многие известные магазины. Им же принадлежало производство сарпинки - ткани, пользующейся большим спросом в России. «Для немецких колонистов Саратов, в полном смысле слова, столица. Они стремятся туда за покупками и для того, чтобы поглазеть на все прелести большого города. Потому-то в Саратове и на улицах, и в лавках, на излюбленной торговым людом Сенной площади, всюду встречаются типичные фигуры немецких колонистов в их длиннополых камзолах, с гладко выбритыми физиономиями и колонисток в чепцах и больших передниках; потому-то и виднеются на многих харчевнях и трактирах немецкие вывески, да и самая главная улица Саратова носит название Немецкой», – писала в 1913 году автор книги «По великой русской реке» А.П. Валужева.

Самая старинная улица Саратова - Московская. Шла она почти от Волги вплоть до окраины, где находился удобный и красивый вокзал Рязано-Уральской железной дороги. Составляя главный нерв Саратова, Московская улица сосредоточивала в себе наиболее важные торговые и административные здания. Почти на половине её длины находилась обширная площадь Хлебная. В те далекие годы по одну её сторону были расположены торговые ряды и хлебные магазины, по другую - новый Гостиный двор, левее которого на середине площади был построен театр.

Попадая в те годы в этот район, жители города сразу ощущали себя в атмосфере базара. Многолюдные биржи извозчиков, разносчики со съедобным и со всякой всячиной, то и дело, мелькающие фигуры «мальчишков», бегающих в трактиры за кипятком, салопницы, лавочники и т.д. - все свидетельствовало, что здесь обширное торжище. Пройдя через эту преграду, люди оказывались на самом базаре. Обширный мясной пассаж, зелёная и рыбная торговля, торговля птицей и тут же лотки со всякой мелочью,

лавки мебели, гробов, масса харчевен, постоянных дворов, кабаков, портерных и прочее и прочее.

Большую роль в жизни города играла и вторая по значению улица Саратова – Немецкая. Шла она параллельно Московской улице на небольшом удалении от неё. Между ними параллельно шли всего лишь две улицы: Царицинская и Большая Казачья. Однако Немецкая улица была значительно короче Московской. Начинаясь с Никольской, она заканчивалась у Митрофановской площади, на пересечении с Ильинской улицей.

По оценке современников, Немецкая улица была самой шикарной и элегантной улицей города. Разнообразные и многочисленные заведения шли от ее начала и до конца. Большая гостиница Гудковых, «Зимний сад» Корнеева, рестораны и кондитерские, редакции и типографии газет, ювелирные магазины и магазины колониальных товаров, многочисленные фотоателье. Здесь же находился и католический собор (кирха) св. Климента, с двумя готическими красными колокольнями, между которыми возвышалась статуя апостола Петра. Немецкая улица тех лет отличалась постоянным движением экипажей и пешеходов, массой праздного люда. Особенно оживлённой она становилась после четырех часов пополудни, когда обычная публика умножалась любителями прогулок и катаний.

Значение этих двух улиц для семьи Майеров определялось, помимо их общегородского статуса, тем, что Царицинская улица, в нижней части которой находился их дом, лежала как раз между улицами Московской и Немецкой. От Московской ее отделял всего один квартал, а от Немецкой – два. По Московской они ходили на железнодорожный вокзал и на Волжскую пристань. Позже по этой улице на работу в управление Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД) ездил дядя Карлуша и мой отец. По Немецкой улице они всей семьей ходили в Кирху на богослужения. По ней же, часто тайком от родителей, прогуливались молодые члены семьи. Позже по Немецкой улице на занятия в консерваторию ходила Эрночка, а мы с Лялей бегали в школу, правда, уже из другого дома.

Царицинская улица сильно отличалась от своих знатных соседок. Застроена она была преимущественно небольшими одноэтажными домами. Ни магазинов, ни административных зданий, ни даже школ на ней не было. И никакого специального городского транспорта. Зато и во дворах и на улице было очень много зелени, а тишина была такая, что трудно было поверить, что центр города совсем рядом.

Жизнь в семье Майеров протекала спокойно и размеренно, без суеты и раздоров. Дети учились и помогали родителям в их работе в мастерской и заботах по дому. Нравственный настрой семьи в этот период полностью определялся родителями, их воспитанием, привычками, взглядами.

Фридрих и Доротея, родители моего отца, представляли собой типичную супружескую пару римско-католического вероисповедания. Глубокая и искренняя вера, строгое соблюдение католических обрядов, безупречная честность, трудолюбие и фанатическая чистоплотность сочетались в их жизни с любовью к книге и всякому печатному слову, последняя, скорее всего, определялась родом занятий семьи. Сильное влияние на их взгляды и убеждения оказала и жизнь в Мариенбурге, в окружении соотечественников, и многолетний крестьянский труд. По-видимому, отсюда они вынесли сильно развитое национальное чувство и тоску по далёкому Фатерланду. Дома, когда не было посторонних, говорили на немецком языке, пели немецкие песни, читали немецкие книги. Вместе с тем и сам Фридрих Генрихович, и все его дети владели русским языком и говорили почти без акцента, явление очень редкое для колонистов того времени. На улице и в присутствии посторонних говорили только по-русски.

Была у деда небольшая библиотека, содержащая в основном книги религиозного характера, написанные на немецком языке да к тому же готическим шрифтом. Было и фортепьяно. Кто играл на нем и что - я не знаю. Наверное, исполнялись немецкие народные и религиозные песни.

В доме было все строго регламентировано. Дети воспитывались в вере, уважении к старшим, приобщались к труду. Особенно много забот появилось после того, как сильнейший ревматизм приковал их мать к креслу-каталке. Большим развлечением было купание на Волге. Мой отец хорошо плавал и уже, будучи взрослым, не один раз переплывал ее основное русло. В один из таких заплывов ему свело судорогой ногу, и он чуть не утонул.

Шли годы, материальное положение семьи укреплялось. Мастерская, в которой теперь, помимо главы семьи, в свободное от занятий время работали и его повзрослевшие сыновья, приносила устойчивый доход. Регулярные заказы предоставлял совет католической церкви, со служителями которой семья Майеров поддерживала постоянную связь. В 1888 году Фридрих Генрихович за свой счет по заказу епископа А. Церра издал первую в Саратове молитвенную книгу с трудно переводимым названием «Гейстлихе халециерде». Напечатанная готическим шрифтом на хорошей бу-

маге и в хорошем переплёте, эта книга (работа собственной мастерской) являлась скорее песенником, чем молитвенником. Её приобретала почти каждая семья католического вероисповедания.

На имеющейся у нас семейной фотографии, сделанной в 1893 году, через 18 лет после обоснования семьи в Саратове, все дети уже взрослые. Главе семейства 63 года.

г. Саратов 1893 год.

*Четвертое поколение семьи Майер на российской земле.
В центре – глава семьи Фридрих Генрихович Майер и его жена
Доротея. На переднем плане слева направо дочери:
Елена (1876-1946), Матильда (1881-1966), Амалия (1873-1943).
На заднем плане слева направо сыновья: Эдуард (1870-1921),
Адольф (1867-1928), Фридрих (1878-1945), Карл (1864-1944)*

Более или менее благополучно обстояло дело и с обучением детей. Все они окончили немецкую школу, а сыновья получили, еще и профессиональное образование: Карл стал бухгалтером, Эдуард - слесарем железной дороги, а Фридрих - переплётчиком. Адольфа же определили в духовную католическую семинарию - закрытое учебное заведение, готовящее служителей культа, - па-теров.

Но молодым людям, постоянно соприкасавшимся с городской молодёжью, консервативный уклад жизни в отцовском доме был не по душе, и они стремились по возможности выйти из-под роди-

тельской опеки. В первую очередь это касалось религиозных и национальных взглядов. В нарушение законов католической церкви, запрещавшей смешанные браки, и к огорчению родителей Карл и Эдуард женились на русских, а Фридрих - на лютеранке. Не сложилась, с точки зрения родителей, жизнь и у Адольфа. Окончив после школы четыре класса духовной семинарии, он отвернулся от будущего духовного сана и пошёл работать сначала учителем в немецких сёлах, а потом бухгалтером в управление РУЖД, где до этого уже несколько лет работал его старший брат Карл. Однако женился он на немке, католичке Софье Освальдовне Ирганг, и тем самым продолжил семейные традиции.

О маминых родителях мне известно меньше чем о папиных. Знаю, что были они прусскими подданными, во всяком случае, в выданном маме в 1896 году свидетельстве об окончании Саратовской женской гимназии указано, что она прусская подданная, уроженка города Вильно. Её отец, мой дед по материнской линии, Освальд Ирганг (1845 - 1882) был волостным писарем и постоянно разъезжал по немецким сёлам. В одну из таких поездок он сильно простудился, заболел крупозным воспалением лёгких и вскоре умер от туберкулеза в возрасте 37 лет.

Линчевская Михалина Францевна, происходила из семьи польских мелкопоместных дворян. Ее брат, Линчевский Иван Францевич, генерал, болел астмой, сильно страдал от частых её приступов и, в конце концов, застрелился. В нашей семье ходили разговоры о том, что Михалина Францевна вышла замуж без разрешения родителей, тайком уехав из их поместья.

Моя мама, Софья Освальдовна Ирганг, родилась в 1874 году в г. Вильно. Когда умер ее отец, маме было всего восемь лет. Жили они все это время с матерью в Саратове, в собственном доме тоже по Царицинской улице, между Гимназической и Приютской. Михалина Францевна была белошвеей и очень хорошо готовила. После смерти мужа она стала держать квартирантов со столом. Им помогал дядя Роберт. Михалина Францевна была гордой и холодной женщиной. По воспоминаниям мамы, она даже спала в корсете и перчатках. Была у мамы сестренка, которая погибла от чёрной оспы.

*г. Саратов.
Освальд Ирганг (1845-1882),
отец моей матери*

*г. Саратов.
Михалина Францевна Линчев-
ская, мать моей матери*

*г. Саратов.
Софья Освальдовна Ирганг,
моя мать в годы учёбы
в гимназии*

*г. Саратов.
Софья Освальдовна Ирганг с под-
ругой в период работы чертёж-
ницей в управлении РУЖД*

В 1887 году, после окончания начальной школы, мама поступила в женскую гимназию, которую окончила в 1894 году с золотой медалью. После окончания гимназии она еще год занималась в восьмом, дополнительном, педагогическом классе при той же гимназии. Там она слушала арифметику, педагогику и дидактику, а также упражнялась в педагогической практике и обнаружила весьма хорошие успехи. Это дало ей право преподавать арифметику в качестве домашней наставницы. Характерно, что в выданном ей свидетельстве было записано, что «... она, как не поданная Российской Империи, не может пользоваться выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию».

По этой или какой-то другой причине мама после окончания учебы устроилась работать чертёжницей в управление Рязано-Уральской железной дороги. Там в 1895 году она познакомилась с Адольфом Федоровичем Майером, моим отцом. Дружили они с папой семь лет. От того периода сохранился мамин альбом. Обычный девичий альбом, в который в стихотворной форме записывали свои пожелания хозяйке ее подруги и друзья. Почти половина стихов на немецком языке. Из них три, подписанных буквой «А», принадлежат отцу в период его ухода за мамой. К сожалению, стихи написаны готическим шрифтом, так что ни прочесть, ни тем более перевести их я не смог. Два довольно грустных, с философским подтекстом стихотворения, принадлежащих перу английского поэта Шелли, вписаны в альбом маминым каллиграфическим почерком. Вообще надо отметить, что мама довольно хорошо разбиралась в зарубежной и русской литературе и знала наизусть много стихотворений, часть из которых я с ее помощью выучил в молодости. Побывал в свое время в моих руках и папин дневник. Наряду с сугубо деловыми записями там, к моему удивлению, оказалось много довольно пессимистических стихов, например «Мухи» Апухтина. Вообще же, по словам мамы, он предпочитал немецкую литературу и знал ее неплохо.

В этот семилетний период, предшествовавший супружеству, папа с мамой часто ходили в театр, кино, на вечеринки в узком кругу знакомых. Мама очень любила танцевать. Папа предпочитал играть в шахматы. Как относились к этой дружбе их родители мне неизвестно, но, как рассказывала тетя Матильда, она, очень любившая брата, всячески пыталась помешать этой дружбе. Женились они в 1902 году, когда маме было 28 лет, а папе 35. Жили сначала в семье папиных родителей по Царицинской, 50. Дом был переполнен, и только строгое соблюдение порядка спасало семью, и особенно молодежь от ссор.

Первым отселился Карл. Женившись на Марии Михайловне, он купил дом одноэтажный, деревянный с надворными постройками на Октябрьской улице №113. Там у них в 1903 году родилась дочка Леночка.

Вскоре и папа, с помощью родителей, купил домик на «горах» (горная улица) на северо-восточной окраине Саратова. Здесь в 1904 году родился мой старший брат Ромуальд - Ромочка, как его звали родители, а в 1906 году – Эрн - Генриетта (в немецких семьях при рождении давали два имени; при совершеннолети молодой человек мог выбрать любое из них).

Папа с мамой и малолетними детьми Ромочкой и Эрной часто навещали своих родителей по Царицинской, 50. У нас сохранилась фотография 1907 года, на которой в доме бабушки запечатлены папа, мама, Ромочка и Эрночка. Михалину Францевну навещали редко, её, свою тещу, папа недолюбливал, и отношения у них были натянутыми.

Лето мои родители вместе с бабушкой и дедушкой проводили на даче дяди Карлуши, расположенной в районе железнодорожного разъезда Трофимовка, в пяти километрах от города. У нас сохранилась её фотография. На террасе дедушка, мама с Ромочкой, бабушка в кресле-каталке и папа. Потом, через 6 лет, он вместе с дядей Карлушей купит в районе Поливановки земельный участок и построит дачу, похожую на ту, которая изображена на фотографии. С этой дачей и окружающим её садом будут связаны многие из моих детских воспоминаний.

В 1908 году родителей постигло большое горе. От гнойного аппендицита умер Ромочка. Слишком поздно была распознана болезнь. По воспоминаниям мамы, он был чудным ребёнком, очень сообразительным и красивым. Видеть я его, естественно, не мог, так как родился через 13 лет после его смерти. Поэтому в моей памяти он запечатлен таким, каким я увидел его на фотографии, где он как будто спит в своем гробу. В том же году умерла и бабушка Доротея.

Похоронили их на католическом кладбище, расположенном по левой стороне дороги на Москву, в двух километрах от железнодорожного вокзала на восточном склоне горы. На их могилах были установлены мраморные памятники, а само кладбище утопало в зелени раскидистых деревьев.

*г. Саратов. 1907 год.
Последняя фотография Фридриха Генриховича и его жены Доротеи*

*г. Саратов. 1902 год.
Софья Освальдовна и Адольф Фёдорович Майеры в день свадьбы*

*г. Саратов.
Софья Освальдовна Иргане в год заключения брака*

*г. Саратов.
Адольф Федорович Майер в год заключения брака*

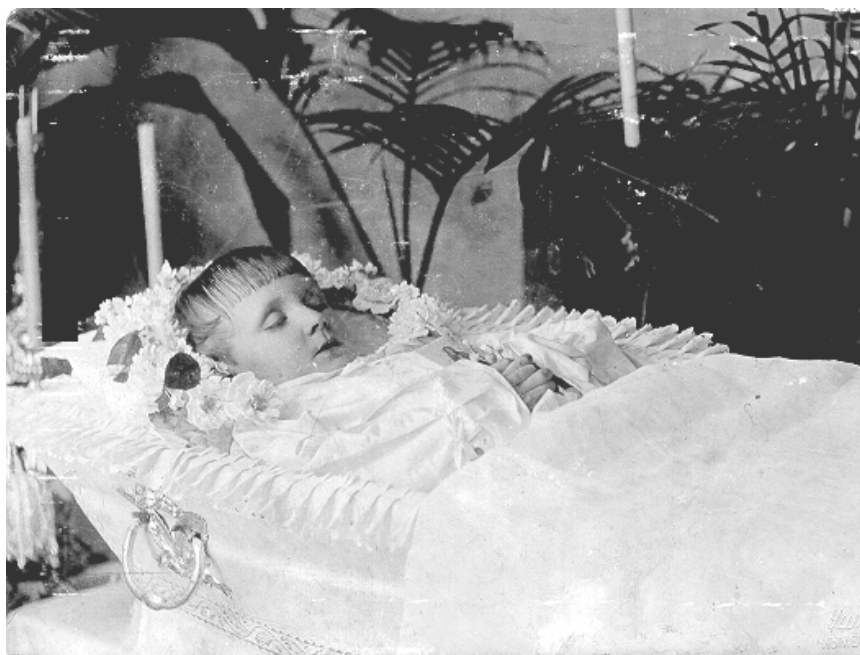
*г. Саратов. 1905 год.
Мой старший брат
Ромуальд - Ромочка*

*г. Саратов. 1907 год.
На руках у мамы - Эрночка.
У ног папы - Ромочка*

*г. Саратов. 1906 г.
Эту дачу снимали мои родители на Трофимовском разъезде.
На террасе: дедушка, мама с Ромочкой, бабушка в кресле-каталке, папа.*

*г. Саратов. 1908 год.
Ромочка. Он умер от гнойного аппендицита
в возрасте четырёх лет*

Смерть сына потрясла родителей. Чтобы как-то выйти из угнетенного состояния, они с трехлетней Эрночкой выехали на некоторое время к дяде Роберту в Германию. С той поры сохранилась фотография, на которой изображена Эрночка, стоящая на скамейке между мамой и папой. Впоследствии, особенно в сталинскую эпоху, факт этой поездки родители не афишировали и никаких разговоров на эту тему не вели.

*г. Берлин. 1909 год.
Мама, папа и Эрночка*

В 1910 году в возрасте 80 лет умер дедушка. Дом на Царицынской, 50 и переплетную мастерскую унаследовал младший из братьев Фридрих Фридрихович (Федор Федорович) Майер.

В эти же годы в нашей семье появился Отто - мальчик лет четырех, которого оставили в Саратове бежавшие от нужды и лишений родители. Чем-то он напоминал моим

родителям Ромочку. Отто усыновили и со временем очень полю-

били. Заботы о нем помогли заживлению душевных ран. Прожил он у нас почти три года. В 1913 году его забрали неожиданно возвратившиеся на Волгу родители. Все плакали, а бедный Отто отбивался, не признавая мать, и кричал: «Никуда не поеду, у меня уже есть мама». Но его увезли. И опять в доме осталась одна Эрночка.

Были ли счастливы мои родители в браке - я не знаю. С внешней стороны все обстояло благополучно. Папа не пил и не курил, был внимательным и заботливым семьянином, все свободное время отдавал работе. Мама была интересной женщиной, хорошей хозяйкой, очень аккуратной и трудолюбивой. Все свое свободное время отдавала детям и рукоделию, в чем была большой мастерицей. Между ними, по крайней мере, при детях, никогда не было перебранок или ссор. Более того, мы никогда не слышали в семье ни одного грубого слова. Оба были глубоко верующими людьми. Но это не мешало им много читать и ходить в театр. Папа дома занимался гимнастикой по системе какого-то Мюллера и обтирался зимой снегом. Очень много сил тратили они на воспитание Эрночки.

И всё же не все было так благополучно, как мне казалось. Как вспоминала моя старшая сестра Эрночки, она в те годы несколько раз заставляла маму плачущей. Плакала мама беззвучно, скрывая слёзы от детей. Я всегда считал маму очень ласковой и мягкой. Однако из разговоров с другой моей сестрой Генриэттой, которую мы до седых волос звали Лялей, понял, что это не совсем так. По её словам, мама была довольно холодным и замкнутым человеком, унаследовавшим в какой-то мере черты своей матери. Мягким же и даже сентиментальным был наш отец. Ей, конечно, виднее, ведь она почти на пять лет старше меня и больше общалась с родителями. В моих же воспоминаниях они оба сохранились как добрейшие люди.

В 1912 году мой отец вместе с дядей Карлушей, как служащие РУЖД, купили на льготных условиях в районе железнодорожного полустанка «Поливановка» земельный участок площадью 0,8 десятины. Участок они обсадили деревьями, которые через несколько лет образовали живую изгородь шириной примерно в пять метров. Там росли клёны, вязы, дубы и какой-то колючий кустарник. Располагался участок в бескрайнем море хлебных полей, и снаружи казалось, что это не сад, а небольшая рощица. Внутри же, как говорили посещавшие сад родственники и знакомые, был «земной рай». Дорогой в этот «рай» служила аллея, обсаженная различными сортами сирени. В центре сада была заложена дача в три

комнаты с опоясывающей ее террасой. Отдельно располагались кухня, баня, омшаник для пчел, беседка и колодец. Перед дачей был разбит цветник, росли каштаны и две серебристые ели. А вокруг фруктовый сад. Участок, имевший небольшой уклон, был разбит на горизонтально расположенные полосы – террасы. Верхняя его часть была отведена под пчельник (около 20 ульев). Несколько ниже, полосой, росли груши разных сортов. Еще ниже – ряды яблонь: белый налив, астраханское белое, грушовка, коричное, пепин, скрижапель и многие другие, обычные для этих мест сорта. Этот яблоневый массив пересекала полоса из разных сортов смородины и крыжовника. В нижней части сада росли вишневые и сливовые деревья. Завершал все это малинник. Одна, боковая, часть сада была отведена под виноградник. Тут был столовый виноград и дамские пальчики. Виноградные лозы на зиму опускали на землю, укрывали рогожей и присыпали опилками. Сад пересекали дорожки, посыпанные жёлтым песком. Оканчивались они скамейками, покрашенными в желтый, красный и синий цвета. Вдоль дорожек росли цветы.

*г. Саратов
Елизавета Давыдовна
Розенберг – Лиза*

Конечно, все это появилось не сразу. На строительство дачи, посадку деревьев, уход за ними ушло как минимум десять лет каторжного труда.

Большим, верным и почти единственным помощником в работе по дому и на даче была Елизавета Давыдовна Розенберг, Лиза, как мы все ее звали. Родилась она в 1885 году в Катериненштате. совсем молодой девушкой она полюбила юношу из соседнего села и хотела с ним и его семьёй эмигрировать в США. Но родители Лизы не дали согласия на этот брак и связанный с ним выезд в Америку. И тогда она сбежала из деревни и устроилась в Покровской слободе, а потом, по рекомендации патера, в Саратове, в нашей семье, где и осталась навсегда.

Вела она у нас хозяйство и ухаживала за детьми. Трудно назвать её домработницей или гувернанткой. В ряде случаев она вела себя очень самостоятельно. Мои родители лишь изредка вмешивались в её дела. Для всех нас – детей – она была одним из самых

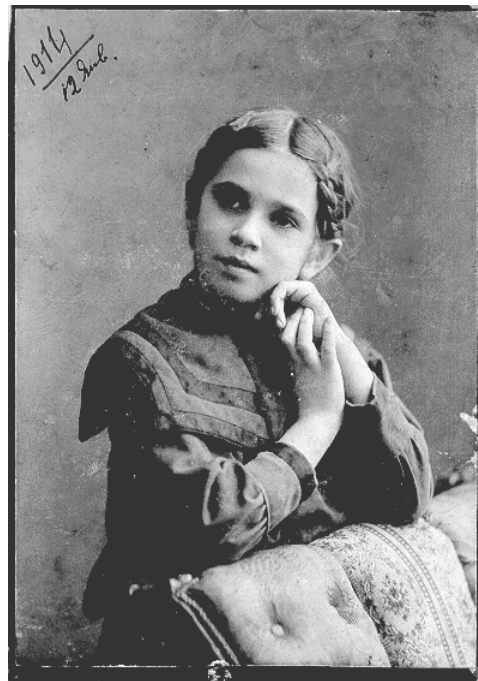
близких людей. С ней мы часто обсуждали многие свои проблемы. На приведенной здесь фотографии Лизе, 28 лет.

Семья наша в те годы вела замкнутый образ жизни. Лишь три-четыре раза в году проводилось нечто вроде вечеринок, на которые кроме прямых родственников и их детей, приходили еще человек шесть наиболее близких знакомых. По мнению тёти Матильды, такие встречи организовывались не столько для развлечения взрослых, сколько для общения молодёжи.

К пятидесяти годам в характере отца появилась новая черта, он, по выражению тети Матильды, стал очень мнительным, читал медицинские книги, и признаки многих болезней находил у себя. Мучимый сомнениями, решил ехать в Германию для обследования и лечения. Решение удалось реализовать только в 1914 году. Папа с мамой и восьмилетней Эрночкой поселились в пригороде Дрездена Кетенброде, где в то время жил дядя Роберт с сыновьями. От того периода сохранились две фотографии. На одной из них Эрночка сфотографирована с мамой, а на другой – одна, со-

*г. Берлин. 1914 г.
Мама с Эрночкой*

*г. Берлин. 1914 год.
Эрночка. Здесь ей 8 лет*

всем как взрослая. Целыми днями бродили они по музеям и паркам Дрездена, а вечерами делились своими впечатлениями с хозяевами. Папа ходил на процедуры, однако, закончить курс лечения ему не удалось. Летом 1914 года с началом первой мировой войны им пришлось срочно возвращаться домой. Сухопутные границы с Россией были закрыты. Возвращаться пришлось по Бал-

тийскому морю, в какой-то мере повторяя путь своих далеких предков. Несмотря на все трудности, родители благополучно прибыли домой. В связи с этой поездкой мама вспоминала, что всех вернувшихся домой, обязывали написать показания о том, что Германия охвачена беспорядками и паникой, и что она совсем не готова к большой войне. Однако папа наотрез отказался дать такие показания, за что, несмотря на многолетнюю, безупречную службу, был понижен в должности.

В эти первые десятилетия двадцатого века отношение к немецким переселенцам в России ещё более ухудшилось. Толчком к этому явно или неявно послужила Столыпинская аграрная реформа 1906-1916 годов, главной целью которой было создание сильной прослойки крепких крестьянских хозяйств, на которые могла бы опереться государственная власть. В соответствии с реформой каждому хозяину разрешалось выделиться из общины и получить свой надел земли. Практиковавшиеся в общинах систематические переделы земельных участков, из-за которых не имело смысла культивировать землю, прекратились. Земля, ставшая собственностью крестьянина стала более тщательно и культурно обрабатываться и лучше плодоносить. Вместе с тем реформа привела к поляризации сил в деревне: богатые крестьяне становились еще богаче, а бедняки еще беднее. Среди колонистов этот процесс пошёл особенно быстро. Земля была разделена на отруба и стала личной собственностью хозяев. Малоземельные, продав свои земли, уехали искать счастья на чужбине: часть мигрировала за границу, в Америку, часть расселилась внутри России: на Кавказе, в Сибири и Средней Азии. Большинство переселенцев после нескольких трудных лет устроилось неплохо. Однако, кое-кто вернулся обратно на Волгу и им, как правило, приходилось довольно трудно. В целом же приволжские земли стали обрабатываться лучше, урожаи повысились.

Часть особенно разбогатевших колонистов, сосредоточивших к этому времени в своих руках значительные богатства, стала скупать земли разорившихся помещиков. Дошло до того, что в Камышинском и некоторых других уездах они стали владельцами почти половины пахотной земли. Самые богатые из них, владельцы крупных мельниц - Рейнике, Борель, Думлер, Шмидт, - фактически оказались монополистами мукомольной промышленности Поволжья, одного из наиболее хлебных районов России. Они же стали хозяевами многих наиболее известных магазинов Саратова. В результате среди русских на Волге, и не только на Волге, стало назревать недовольство политикой правительства в отношении ко-

лонистов. Русскому крестьянству уже самому не хватало свободных земель, особенно кулачеству. Оно с завистью смотрело на колонистов, поселившихся на землях южной России и нижней Волги.

В период первой мировой войны отношение к «своим» – Российским немцам оказалось в России на грани вражды: одни видели в них капиталистов-эксплуататоров, другим они представлялись внутренними врагами, пособниками Германии. В народе поговаривали о «немецком «засилье». Общественное мнение оказывало давление на решения правительства, которое было готово выселить немцев из Поволжья в Сибирь. Только Февральская революция помешала реализации соответствующих законопроектов. Временное правительство Керенского приостановило исполнение этих законов, а Октябрьская революция их отменила.

В этих сложных условиях наша семья стала вести еще более замкнутый и осторожный образ жизни. Главные заботы, кроме забот материального характера, были направлены на воспитание единственной дочери. С шестилетнего возраста Эрночка ходила на учёбу к частной учительнице, у которой четыре года обучалась игре на фортепьяно. Одновременно были и домашние учителя по языкам и общим предметам. В то же время она училась и в школе патера Флека при католической церкви, в которой в те годы мама обучала воспитанниц рукоделию. В этой школе девочки из состоятельных католических семей готовились для поступления в женские гимназии. В одну из таких гимназий (частную гимназию Храмцовой) в 1915 году поступила и Эрночка. Несмотря на большую загруженность учебными занятиями в гимназии, Эрночка частным образом продолжала заниматься музыкой у профессора саратовской консерватории Радугина Бориса Яковлевича. Три раза в неделю десятилетняя девочка ходила к нему на дом на занятия. Каждый раз сопровождавшая её мама относила ему или корзинку с яблоками, или букет чудесных цветов, которых так много росло у нас на даче.

В 1915 году мои родители приобрели домовладение № 173 на своей родной Царицынской улице (теперь Первомайская 151), где прошли их детство и юность. Состояло оно из двух одноэтажных деревянных домов, один из которых выходил фасадом на улицу (его сдавали квартирантам), а другой, обложенный кирпичом, стоял во дворе. В этом флигеле и поселилась наша семья. В нем было 4 жилых комнаты (спальня родителей, детская, столовая и гостиная), а также кухня, ванная и туалет. С тыльной стороны флигель от построек, выходящих на другую улицу, был отгорожен высокой кирпичной стеной – брандмауэром. Из-за этого в столовой

*г. Саратов. 1918 год.
Эрnochка с Лялей
(Генриэттой)*

не было обычных окон. Вместо них в потолке - одно большое стеклянное сооружение в виде усеченной пирамиды, доставлявшее отцу много хлопот, особенно зимой. Именно с этим местом Саратова связаны у членов нашей фамилии все воспоминания о радостях и горестях семьи. В этом доме в июне 1917 года родилась вторая моя сестра, Генриетта - Шарлота (Ляля, как её звали в семье). На приведенной здесь фотографии Ляле полтора года, а поддерживающей её Эрnochке - 12 лет.

Между тем в стране назревали революционные события, которые не могли не затронуть нашу семью, и, естественно, обсуждались в кругу близких отцу людей. К событиям,

связанным с Февральской буржуазно-демократической революцией и особенно с отречением от престола императора Николая II, отец отнёсся, мягко говоря, с большим неодобрением. Он всегда сторонился политики и тем более активной политической деятельности. Главным в его жизни были семья и работа. К тому же львиную долю свободного времени отнимали заботы по саду. Все, что ведет к беспорядку и анархии, а происходящие в стране события воспринимались им как разрушение всех устоев жизни, было ему глубоко чуждо. Следует также учитывать, что семья наша относилась к семьям среднего достатка, и грядущие перемены, к которым призывали многочисленные лозунги, не сулили отцу ничего хорошего. Сказывалась и его глубокая религиозность.

Но жизнь развивалась вопреки его желаниям. К Октябрю в Саратове, как, впрочем, и во всей стране, сложилась крайне напряжённая обстановка. Бедственное положение в экономике, постоянные перебои в снабжении, всеобщий дефицит, а также ухудшение работы всех городских служб не давали никаких надежд на улучшение. На улицах была страшная грязь. Они не только не мелись, на них выбрасывали из дворов мусор, выливали помои. Участились случаи заболевания тифом. Процветали грабежи и насилие. Появились случаи самосуда. С каждым днем росло число голодающих и спекулянтов. Нарастала безработица, вызванная дефицитом топлива и всех видов сырья, а также частичной демоби-

лизацией. Начались забастовки. Дошло до того, что забастовали фонарщики (была в то время такая профессия), и Саратов вечерами погружался в кромешную тьму.

В городе резко возросло количество солдат. Уставшие, задёранные, не признающие ни военных, ни гражданских властей, они требовали немедленного переселения из неподготовленных к зиме барачных «солдатской слободы» в гражданские здания Саратова.

Уже на протяжении нескольких месяцев в городе шла острая политическая борьба между саратовскими большевиками и умеренными социалистами и либералами. Организационным соперником большевиков, руководивших саратовским Советом, была городская Дума. Несколько дней после взятия большевиками Зимнего дворца, в Саратове было сравнительно спокойно. Однако уже утром 26 октября и большевики, и умеренные социалисты начали лихорадочные приготовления. Тем не менее, обе стороны старались оттянуть время: большевики ожидали директив из Центрального Комитета; умеренные возлагали свои надежды на скорейшее освобождение города казачьими войсками. Никто не знал, каков исход восстания в Петрограде. В течение раннего утра 26 октября большевистские агитаторы проводили агитационную работу на фабриках и в казармах, где они пытались убедить солдат подчиняться только приказам Совета. Каких-либо призывов к действию или попыток устроить демонстрацию не было.

Умеренные социалисты в это время также были заняты делами. В конторе губернского комиссара, помещавшейся вместе с Исполнительным Комитетом Совета в доме бывшего губернатора, царил суета. Там члены Думы, городское начальство, комиссар милиции и хорошо вооруженные офицеры пытались как можно лучше использовать отсутствие большевистских кадров в офицерском корпусе.

На состоявшемся в тот же вечер пленуме Совета, который проходил в помещении консерватории, было принято решение о создании военно-революционного комитета, который от имени саратовского Совета объявил о взятии власти в свои руки.

Горожане, которые утром 27 октября вышли на улицы, были в замешательстве от хлынувших на них сообщений. По главным улицам города разъезжали автомобили, с которых разбрасывались листовки с противоречивой и во многом взаимоисключающей информацией.

Обе стороны начали подготовку к вооруженной борьбе на случай, если она развернется. Вооруженные пулемётами силы Думы

расположились на колокольнях церкви Святого Михаила Архангела. К вечеру отряд юнкеров конфисковал военный склад оружия и начал создавать арсенал внутри здания Думы. Юнкера разоружали рабочих и солдат, арестовывали сторонников Совета. Губернский комиссар Временного правительства вызвал на защиту Думы казаков.

Ранним утром 28 октября по распоряжению Совета около 3000 солдат и красногвардейцев окружили забаррикадированное здание Думы. На Соколовой горе и рядом с торговой биржей на Московской улице расположилась артиллерия, нацеленная на здание Думы. Думу защищали 300 курсантов, около 100 офицеров и несколько сотен частных граждан. Попытки переговоров не увенчались успехом. Началась перестрелка, которая, то, затихая, то вновь усиливаясь, продолжалась всю ночь. Вела огонь и артиллерия. Жители прятались в погребах. А на улице шел проливной дождь.

К утру, защитники Думы сдались на милость победителя. Их было всего 373 человека. В том числе 298 юнкеров и 75 офицеров, включая генерала Горского, возглавлявшего гарнизон. Погибло в ту первую ночь два человека со стороны осаждавших солдат и один из защитников Думы. Несколько человек было ранено. В Саратове это были первые выстрелы начавшейся гражданской войны.

Когда пленных вели из здания Думы в бывший дом губернатора, где они должны были содержаться, собравшаяся толпа сопровождала их враждебными выкриками: «Убийцы!», «Расстрелять их всех!», «В Волгу!». Затем толпа набросилась на арестованных и начала их избивать. Досталось и генералу Горскому, которого не спас от этого унижения даже более чем преклонный возраст.

В селах борьба за утверждение власти Советов затянулась до лета 1918 года. Естественно, что наиболее активно этому процессу противодействовала зажиточная часть колонистов, получивших благодаря столыпинской реформе возможность рационального ведения хозяйства и его расширения. Эта часть колонистов на своем съезде в Варенбурге провозгласила «советскую» (без социалистической) автономию и избрала Центральный Совет. В это время противостоящий Союз немцев-социалистов вёл переговоры со Сталиным, отвечавшим в правительстве за национальную политику. Переговоры закончились опубликованием Устава Комиссариата для Союза социалистов. В июне 1918 года в Саратове состоялся 1-ый Съезд Советов немецких колоний. На втором съезде Немецких Советов в Ровном (октябрь 1918 года) был обнародован

Декрет о провозглашении Автономной трудовой коммуны области немцев Поволжья. Это была первая проба практического осуществления национальной программы Советов. Декрет был подписан В. И. Лениным и Фотиевой. Центром немецкой автономной области был назначен город Екатериненштадт. Так родилось первое национальное образование подобного типа при советской власти.

Но это не привело к примирению. Классовая борьба в колониях ожесточалась. Лютая ярость гражданской войны губила человеческие жизни и созданные их трудом материальные ценности. Колонии опустошались. Свирепствовал бандитизм. Отчаяние усиливалось голодом. Зажиточная часть колонистов, воспользовавшись тем, что в Брест-Литовском договоре был пункт о беспрепятственном выезде колонистов в Германию и переводе их капиталов, стали выезжать в Германию и США. В это время эмигрировало более половины всего населения колоний. Через созданный в Берлине банк колонисты в короткий срок перевели за границу 10 млн. рублей.

25 октября 1918 года Троцкий передал по телеграфу в Саратов приказ: сформировать Первый Екатериненштадтский Коммунистический Немецкий полк. Это был акт вынужденного, расчетливого доверия. Он себя оправдал. Уже 10 декабря полк, насчитывавший две тысячи штыков, был готов к отправке на оккупированную германцами Украину. Полк воевал против немецкой армии и русских офицерских частей. Летом 1919 года он в течение 32 дней выдержал 30 боев и, будучи отрезанным от других частей Красной Армии, потерял две трети своего состава. Всего же на фронтах гражданской войны сражались 4 немецких полка, два из них - в армии Будённого. В 1919 году колонии, расположенные на правом берегу Волги, были разорены деникинцами и бандитами Сапожкова.